

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

С. Эндерс Уимбуш

БРОЖЕНИЕ СРЕДИ МУСУЛЬМАН СОВЕТСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I

Этнические волнения, вспыхнувшие в Алма-Ате, столице Казахстана, в декабре 1986 г., имели ряд примечательных особенностей. Во-первых, их размах: оценки колеблются от нескольких десятков до нескольких сот тысяч демонстрантов. Во-вторых, волнения продолжались не менее 36 часов, и власти восстановили контроль над городом лишь через двое суток, введя извне многотысячные силы безопасности. В-третьих, хотя в волнения были вовлечены чуть ли не все слои казахского населения, похоже, что в авангарде шли студенты, преподаватели вузов и молодые интеллигенты. В-четвертых, демонстрации планировались заранее, были хорошо скоординированы и неплохо руководимы. В-пятых, одновременно с Алма-Атой волнения прокатились и по другим городам Казахстана. В-шестых, казахидемонстранты несли плакаты с откровенно антирусскими и антисоветскими лозунгами, с обращениями за помощью к китайцам и американцам.

Итак, по любым стандартам, эти волнения были весьма необычными. Однако, как отмечается в одном анализе,¹ вряд ли их можно назвать уникальным явлением: массовые волнения, особенно на нерусских территориях, случаются чаще, чем это замечают западные наблюдатели. Алма-атинские волнения вспыхнули вследствие назначения на пост первого секретаря компартии Казахстана Геннадия Колбина (русского) вместо Динмухамеда Кунаева (казаха). Кунаев занимал этот пост почти четверть века

и завоевал в своей республике значительное влияние и поддержку. Русские власти впоследствии приписывали возникновение волнений в основном подстрекательству приверженцев Кунаева, которых изображали коррумпированными азиатами-мафиози, опасаясь, что при Колбине они утратят свое влияние и привилегии.² Последующие анализы волнений, опубликованные в советской печати, указывали также и на другие причины происшедшего: слабость идеологического и „интернационального” воспитания молодежи;³ недисциплинированность „хулиганов и туеядцев”;⁴ плохие жилищные условия, недостатки медицинского обслуживания, дефицит предметов питания и промышленных товаров;⁵ употребление наркотиков демонстрантами;⁶ недостатки в преподавании русского языка казахской молодежи; примиренческое отношение к казахскому национализму в школах и средствах информации;⁷ и наконец, среди прочего, давние националистические настроения.

Все эти объяснения, вероятно, имеют основания. Взятые вместе, они описывают атмосферу, которая, безусловно, могла посеять недовольство, и хорошо объясняют, почему алма-атинские волнения вспыхнули именно в данный момент и были столь яростны. Советские средства массовой информации не оставляют никаких сомнений в том, что причины для широкого недовольства действительно существуют. Все эти объяснения сами по себе не новы, большинство их высказывалось еще до волнений с разных трибун и по разным поводам. Возможно, после алма-атинских событий советским комментаторам дали возможность освещать в средствах информации некоторые особо запущенные проблемы — может быть, для имитации гласности, но, возможно, и для того, чтобы выделить некоторые факторы, чтобы спустить пар весьма значительного недовольства на местах.

Советские комментаторы сочли удобным приписать происшедшее различным нарушениям функционирования системы, но все их объяснения явно бьют мимо цели. Казахские коммунисты напали на русских коммунистов, а не на предприятия. Если система так плохо работает, то можно предположить, что и местные русские могли бы присоединиться к беспорядкам. Между тем, один советский комментатор характеризовал столкновения

как „погром” против русских; во время волнений местные средства информации призывали русских воздерживаться выходить на улицы. Претензии казахов сосредотачивались не столько на плохом функционировании системы, сколько на безраздельном имперском господстве русских. На плакатах и в листовках демонстрантов были такие лозунги, как „Казахстан для казахов!” „Русские, возвращайтесь в Россию!” „Мы хотим присоединиться к Китаю!” и „Америка нас поддерживает!”. Это была не производственная авария, это был крах продолжавшихся семьдесят лет усилий Советов создать легитимацию русскому имперскому правлению переписыванием истории для подчеркивания „положительных” аспектов завоевания Казахстана Россией, интенсивной пропагандой для каинизации русского „старшего брата” и очернения ислама, а также просто иной идеологической индоктринацией и направленным воспитанием казахской молодежи. Олжас Сулейменов, первый секретарь Союза писателей Казахстана, откровенно объяснил причины краха:

„В течение многих лет положения, что Казахстан — „лаборатория дружбы народов”, „аванпост интернационализма” и „планета ста языков”, неустанно повторялись и кочевали из одной речи в другую.

Мы непростительно убаюкивали себя ложным чувством безопасности, полагая, что правильный тезис, если его громко провозгласить и сделать это с высокой трибуны, будет „работать” сам по себе”.⁸

Казахские студенты и молодые специалисты безошибочно увидели в „высадке десанта”⁹ Колбина и руководителей-славян низших рангов (так называемый „межрегиональный обмен кадрами”¹⁰) окончательное отречение Горбачева от того, что они полагали прочно согласованным с Москвой установлением — дать казахам больше прав и больше возможностей в организации собственной жизни, как это было при Кунаеве. Несомненно также, что их приучили верить, что, получив образование, они смогут занять соответствующее место в политической и административной структуре, в которой казахским элементам было позво-

лено проявляться более отчетливо. Эту веренность укрепляли демографические сдвиги в Казахстане, происходившие не в пользу русских. Ко времени волнений общее мнение было таково, что казахи по численности уже обогнали русских в республике, а это делало назначение русского еще более острой провокацией.¹¹

Эти неисполнившиеся (а, возможно, и неисполнимые) ожидания показывают корни неустойчивости положения в мусульманских районах СССР, а фактически — во всех его нерусских районах, как было и в других империях. Покойный Хью Сетон-Уотсон, который посвятил свою жизнь сравнительному изучению империй, и отдельно — Российской империи, отмечал, что к 1960-м годам уже намечилось возникновение в СССР нерусских элит, которые похожи „функционально и по образу мышления... на элиты индустриализированной викторианской Англии, Германии эпохи Вильгельма и Соединенных Штатов времен Теодора Рузвельта... Они гордятся своими достижениями, гордятся своим „социализмом”, и им не нравится, что они не могут распорядиться своими достижениями так, как им этого хочется, потому что русские сидят у них на шее”.¹² Индустриализация, урбанизация и образование, поощряемые советской системой, сформировали „современно мыслящих рабочих и крестьян, равно сознающих свою национальную идентификацию и равно гордящихся своими достижениями... Узбеки (или казахи) 70-х годов — это граждане современного государства; их национальное сознание укрепили те самые процессы, которые, по мнению марксистско-ленинских предсказателей, должны были усиливать не национализм, а интернационализм”.¹³ На основе этого сравнительного анализа Сетон-Уотсон вывел „закон неблагодарности колоний”:

„Бесспорно правильно беспрестанное утверждение советской пропаганды, что азиатские народы Советского Союза добились после 1917 г. огромного прогресса в области экономики и культуры. Но отсюда не следует, что эти народы будут благодарить советских руководителей или русский народ. История всех империй свидетельствует, что элиты, сформировавшиеся в результате

прогрессивной колониальной политики, обращаются против этих империй; что чем более процветают народы, находящиеся в подчинении, и чем более они образованы (например, чехи в 1910-е годы или французы Квебека в 1970-е годы), тем более они радикальны по сравнению с эксплуатируемыми и невежественными подчиненными народами. Именно добрые дела имперских правителей, а не их жестокость и несправедливость, обращают против них подчиненные народы".¹⁴

По следам алма-атинских событий ведущий советский этнограф Ю. Бромлей (по слухам, близкий к Горбачеву) писал вполне в духе Сетона-Уотсона, что „на национальную почву может переноситься ощущение нереализованных ожиданий в конкретных житейских ситуациях" и что „процесс интернационализации большинства сфер жизни нашего общества сопровождается ростом национального сознания".¹⁵ Бромлей, однако, настаивает, что растущее национальное самосознание всех советских народов (включая, вероятно, и русских) сочетается с чувством общесоветской гордости и общесоветского сознания. Алма-Ата явно не „тот случай", и это весьма смущает советских доктринеров. „Общесоветское сознание", по существу почти не отличимое от не критического одобрения нерушимого русского господства, и растущее национальное самосознание, существенным компонентом которого в Средней Азии является ислам, практически несовместимы, и эта несовместимость будет обостряться по мере вступления „реформ" Горбачева в противоречие с ожиданиями новой советской мусульманской элиты.

Неизбежная перестройка „интернационального" воспитания, последовавшая за волнениями, естественно, сконцентрировалась на школах, где формируется этот новый политический элемент. По следам волнений инспекторы системы образования обнаружили, что во многих школах, техникумах и университетах наиболее последовательными пропагандистами националистических настроений были преподаватели. „Буржуазно-националистические настроения среди молодежи открыто игнорировались и не получали надлежащей и своевременной отповеди", — жаловалась редакция „Казахстанской правды", потрясен-

ная открытием, что старшие школьники алма-атинских школ не имеют личных „идейных убеждений" и потому оказались практически „беспомощными в своих политических оценках... и неспособными проанализировать собственные и чужие поступки с общественных позиций".¹⁶

Помня о провале и стремясь любой ценой избежать новой Алма-Аты, власти предприняли чистку учебных заведений, в особенности факультетов общественных наук, в соседних республиках, в частности в Киргизии.¹⁷ Но чистка на факультетах — это одно, а уничтожение идеи — другое. Облагородить происшедшее в Алма-Ате представляется невозможным. Более того, люди с антирусскими настроениями в восприятии алма-атинских событий выходят за рамки реальности. Московская „Литературная газета" сочла необходимым предостеречь читателей, что „каждое событие оставляет след из слухов" и что после Алма-Аты „легче будет найти объяснения националистическим демонстрациям".¹⁸ Один советский источник даже предупреждал, что отчеты о происшедшем в Алма-Ате фабрикуются в пригороде Парижа в пропагандистских целях. И в самом деле, легенда Алма-Аты может оказаться опаснее самих волнений.

II

Алма-атинские выступления — один из симптомов динамического напряжения между мусульманами и русскими в Средней Азии. Второй симптом — волна исламского возрождения или обновления и его привлекательность для все увеличивающегося числа советских мусульман. Говоря о советских мусульманах, большинство западных специалистов отмечает, что термин „мусульманин" — расширительное определение лиц и групп с общим исламским наследием и культурой. При этом не все они активно участвуют в молитве или соблюдении других установлений ислама. Судя по советским сообщениям, возрастает число советских мусульман. Но было бы ошибочным оценивать и описывать возрождение „исламского сознания" в СССР, отделяя тех, кто молится, от тех, кто не молится.

Многие годы большинство советских¹⁹ и многие западные

исследователи принимали это аналитическое различие и основывали на нем оценки влияния ислама в СССР. Итогом была тенденция разделять советских мусульман для аналитических целей на „мопящихся“ („верующих“), „культурных мусульман“ (тех, кто соблюдает традиционные обряды, но не посещает мечеть) и „неверующих“ (тех, кто утратил религию). Однако в последнее время некоторые советские и западные специалисты поняли то, что каждому мусульманину всегда было известно: внутри ислама есть только верующие.²⁰ Тот, кто решает остаться мусульманином, должен быть верующим вне зависимости от того, выражает ли он это через молитву и соблюдение культурного ритуала, или просто сохраняет ислам „в сердце своем“.²¹ „Во всеобщем понимании намерение быть и остаться мусульманином, — пишет специалист по исламу Г. Э. Грюнбаум, — расценивается выше, чем возможные провалы в исполнении этого намерения“.²² Человек или является мусульманином или нет. „Исламская культура, — пишет британский мусульманин Г. Итон, — не более и не менее чем аспект религии — светской культуры вообще не существует. Более того, община по-прежнему — в основном религиозная община, и оставить религию означает оставить общину“.²³

Сложность проблемы взаимоотношений советской власти с исламом определяется тем, что после семидесяти лет давления на советских мусульман, чтобы принудить их „оставить общину“, не видно, чтобы многие это сделали. Разумеется, советские мусульмане были вынуждены отказаться от исламского образа жизни. Но само исламское самоотождествление оказалось поразительно стойким к проникновению чуждых идеологий, и в этом поход ориентированного на русских коммунизма в Среднюю Азию не принес существенных успехов. Это не означает, что мусульманский мир — род идейно-политического монолита и что в самой исламской общине нет различий во взглядах на построение общины и ее цели. Разумеется, существуют различные типы мусульманских государств, и мусульманские обычаи в разных местах претерпели изменения в течение многих веков. Несмотря на тяжелую канонаду антиисламской пропаганды (а, может быть, и вследствие этой пропаганды) и несмотря на законодательные ограничения, посредством кото-

рых советское руководство стремилось сдержать ислам, советские мусульмане демонстрируют растущее стремление выказать свою принадлежность к исламскому сообществу.²⁴

В наши дни советские источники отмечают возрождение исламского сознания в СССР даже среди советских работников и членов компартии и провал попыток антиисламской пропаганды воспрепятствовать этому процессу.²⁵ Кахар Махкамов, первый секретарь компартии Таджикистана, в выступлении перед группой идеологических работников республики (граничащей с Афганистаном) упрекал их в том, что „за последние несколько лет уровень религиозности населения нашей республики заметно повысился“.²⁶ Власти признают существование разветвленных систем по выпуску самиздата, магнитиздата (подпольных магнитофонных кассет) и даже видеозаписей на религиозные темы. Часть этой продукции — отечественного производства (кассеты с записями речей аятоллы Хомейни, сделанные по передачам радиостанций Горгана и Тегерана,²⁷ религиозные брошюры, распространяемые в Узбекистане и на Северном Кавказе,²⁸ а часть материалов поступает из-за границы, главным образом, от афганских муджахидов.²⁹

Говоря о подъеме ислама, советские чиновники и специалисты имеют в виду по существу ряд взаимосвязанных явлений, а не различные типы ислама, как они полагают. Так, например, советские средства информации сосредоточивали внимание на росте численности советских мусульман, открыто исповедующих духовные ценности ислама и его доктринальные устремления. Во всех мусульманских республиках средства информации сообщают об увеличении числа „незарегистрированных мулл“, о „самозванных священнослужителях“ и их последователях, об активизации последователей суфизма, и все чаще — о раскрытии „адептов ваххабизма“, которые являются или суфиями или приверженцами „исламского фундаментализма“, т. е. отстаивают очищение ислама, монотеизм, аскетизм — все, что по советским оценкам является „крайне реакционными религиозно-политическими движениями“.³⁰ Борьбу с этими мусульманами советская пропаганда рассматривает как идеологическую борьбу, в которой цель властей — создание условий, при которых „отжившая религиозная идеология не сможет противостоять коммунистической идеологии“.³¹

Однако в исламе идеология и политика никогда не расходятся слишком далеко. Так, один из тех, на кого наклеили ярлык „ваххабита”, призывает к созданию исламской республики на территории советского Таджикистана, а неофициальные священнослужители воспитывают своих последователей в духе „негативной оценки интернациональной помощи Советского Союза Афганистану... (и обвиняют) ограниченный контингент советских войск в этой стране в намерении обратить афганцев в неверных”;³² известно также о призывах „объединить ряды мусульман, вести борьбу против тех, кто выступает против ислама”.³³ Эта тенденция нынешнего возрождения исламского сознания в СССР, тенденция религиозного верования стать политическим течением, особенно тревожит советских руководителей, которые никогда не понимали, что ислам порождает особую политическую атмосферу. Некоторые советские специалисты по исламу уже признают этот факт. Как отметил советский наблюдатель, в советских мусульманских районах появились „религиозные экстремисты”, которые „используют религию в политических целях”.³⁴ Другой отметил, что эти „религиозные идеологи” нередко оказываются „людьми, не участвующими в повседневной религиозной жизни, не являющимися верующими”. Их цель — „использовать ислам в качестве фактора объединения (мусульман) — верующих и неверующих... как на религиозной, так и на национальной почве”.³⁵

Советские специалисты давно указывают, что в умах большинства советских мусульман происходит совпадение национальной (узбекской, казахской, таджикской и т. п.) идентификации и мусульманской идентификации.³⁶ Так, например, чтобы считаться казахом, необходимо считаться мусульманином. Отсюда следует, что укрепление мусульманской „национальной” идентификации укрепляет также и исламскую идентификацию. Ныне это совпадение зашло, по-видимому, значительно дальше: у многих ислам стал играть доминантную роль в этой дихотомии. Вот что пишет по этому поводу ведущий советский специалист:

„В современных условиях ислам служит изоляции народа, разделению между мусульманскими и нему-

сультманскими нациями... Ислам сводит географию и этнографию различных народов к простому и удобному уравнению: чистые верующие против неверующих. Конечный результат — „мусульманский национализм”.³⁷

Советские источники³⁸ открыто признают, что мусульманское сознание постоянно усиливается среди молодежи и интеллигенции СССР, и именно для этих слоев населения привлекательность „мусульманского национализма” особенно велика. Круг местных (Алма-Ата), региональных (экономическое развитие) и даже внешнеполитических (Афганистан) проблем, которые могут быть отождествлены с проблемами мусульманского национализма, имеет потенциал к расширению. В поисках идеалов мусульманским националистам из новой мусульманской элиты достаточно взглянуть на близлежащие Афганистан и Иран, где „мусульманский национализм преобладает, а с ним (особенно в случае Афганистана) многие советские мусульмане имеют прямое соприкосновение в ходе военной службы”.³⁹ Новые мусульманские элиты могут симпатизировать или не симпатизировать в реальной действительности политическим устремлениям афганских муджахидов или иранских хомейнистов (ясно, впрочем, что многие симпатизируют). Но специфически религиозные позывные из этих стран для молодых советских мусульман, возможно, имеют меньшее значение, чем политические процессы, порождающие эти сигналы. И в Иране, и в Афганистане советские мусульмане усматривают прежде всего торжество молодежи, организованной вокруг ислама, над вмешательством весьма динамичных политических и военных сил извне.

По иронии судьбы, от недавних волнений в Алма-Ате мусульманский национализм скорее всего получит дополнительный импульс. Поверхностному взгляду представляется, что эти волнения не имели мусульманской окраски, кроме разве той, что мусульмане-казахи нападали на немусульман-русских, то есть нечто самое общее. Никто и не утверждает, что волнения были вдохновлены исламом, и маловероятно, что это было так. Оглядываясь, однако назад, можно утверждать, что центральная власть оценит эти волнения (во всяком случае, неофициально)

как „мусульманские” беспорядки”. Решение советских властей, осуществленное в течение недель, последовавших за волнениями в Алма-Ате, провести чистки в школах и университетах от „националистов” в соседних мусульманских республиках — наглядное доказательство, что советское руководство понимает значение мусульманской ниточки, которая связывает различные народы среднеазиатского региона. Ведь они не бросились „чистить” университеты Литвы, Украины, Грузии, где националистов полно, но мусульман мало. Казахский национализм, как правильно расценили советские руководители, легко может вызвать резонанс во всех районах проживания советской мусульманской общины именно потому, что это национализм мусульманский.

III

Мусульманский национализм в Средней Азии — естественный результат русского колониального правления. Русское присутствие в Средней Азии ничем не отличается от прежнего присутствия французов в Алжире или британцев — в Индии. Пока русские остаются здесь, они будут постоянным напоминанием о колониальном неравенстве, навязанном ими. Когда, как это произошло в Алма-Ате, местные элиты настаивают, что русский колониализм должен уйти в прошлое, что интересы мусульман должны соблюдаться, это означает, что русские остались объектами неприязни и даже ненависти.

Мусульманскому национализму, насколько можно судить о нем по советским источникам, недостает стройной идеологической основы — он базируется скорее всего на смутном представлении о мусульманской солидарности. Но в любом случае, одной из основ мусульманского национализма является убеждение, что интересы русских и мусульман в Средней Азии не совпадают. Именно на этой основе пытаются вести интеллектуальные и политические дискуссии и выработать более четкую политическую позицию. Возможно, что мусульмане намереваются встать в прямое противостояние с русскими по отдельным вопросам и рассчитывают на успех. Отчетливо ощущается

растущая уверенность мусульман в своих силах. Недавно, например, когда работники министерства внутренних дел арестовали в Южном Таджикистане хорошо известного здесь незарегистрированного шейха, местные жители, в том числе учителя и члены партии устроили шествие к месту его заключения с требованием освободить арестованного. Сам шейх — в прошлом инженер, что сразу же наводит на сравнение со многими „фундаменталистами” — командирами муджахидов на севере Афганистана во главе с Ахмадом Шах Масудом, которые тоже начинали с карьеры инженеров и техников. Советские источники описывали этот протест как „нарушение общественного порядка”.⁴⁰ Через некоторое время, когда страсти в толпе, видимо, стали спадать, руководители демонстрации взывали к настойчивости демонстрантов: „Не уходите! Требуйте! Если мы еще немного подождем, они будут обязаны выполнить наши требования...”⁴¹ Такое поведение свидетельствует о возросшей политической уверенности и готовности к самопожертвованию. Похоже, что такие настроения широко распространены. Можно полагать, что у алма-атинских демонстрантов тоже было достаточно уверенности и готовности к самопожертвованию.

Еще недавно власти в СССР делали громогласные заявления о нежелательности проявлений панисламистских тенденций в Средней Азии, подразумевая под этим, по-видимому, спектр идей воинствующего ислама иранского или афганского типов.⁴² Однако в настоящее время эта угроза нереальна. В рамках советского ислама всегда есть сторонники объединения мусульман для поиска альтернативы советскому режиму, и одна из возможностей — исламское государство. Но совершенно невероятно появление советского мусульманского Хомейни или даже создание условий, благоприятных для этого, хотя бы потому, что советские власти в состоянии держать такие обстоятельства под сильным контролем. Кроме того, появление Хомейни возможно лишь для ислама шиитского толка с его иерархической организацией. Такой организации, как и какого-либо подобия аятоллы, не существует в суннитском исламе, к которому принадлежит большинство советских мусульман. В какой-то точке мусульманский национализм может пересечься с более „фундаменталистскими” его тенденциями, но ныне эти силы весьма разрознены.

„Синдром Хомейни” создает некоторые помехи правильному пониманию состояния ислама в СССР. На самом деле, советским мусульманам не нужен Хомейни, исламская революция в Иране или где бы то ни было, чтобы сосредоточить свое внимание на религии, политике, структуре государства или форме правления государством. Советские мусульмане — наследники блестящей исламской цивилизации, породившей выдающихся ученых, государственных и религиозных деятелей, которые нередко давали пример подхода к этим вопросам всему миру ислама. Многие дискуссии ушли в подполье или изменили характер, но немислимо, чтобы за семьдесят лет советская „социальная инженерия” смогла вычеркнуть это прошлое из исторического сознания общества, из политического сознания современности, и чтобы советские мусульмане не имели своих собственных идей.

„Трудно поверить, — писал Сетон-Уотсон, — что узбеки, зная о получении независимости Руандой или Мозамбиком, не будут думать о том, что их страна — один из древнейших центров человеческой цивилизации — также могла бы быть независимой”.⁴³ Потребуют ли советские мусульмане немедленного предоставления им независимости или выезда русских или же просто расширения прав в решении собственных дел, трудно предсказать, но так или иначе советское руководство в Средней Азии вскоре окажется перед вызовом со стороны мусульманского национализма, если советская экспансия будет продолжаться. Чтобы оценить последствия этого противостояния в длительной перспективе как развал советской империи, не нужно быть пророком.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ludmila Alexeyeva and Valery Chalidze, *Mass Rioting in the USSR*, Report No. 19, Foundation for Soviet Studies, Silver Spring, Maryland, 1985.
- 2 См., например, ТАСС, 29 февраля 1987, 17, 30.
- 3 „Казахстанская правда”, 24 декабря 1986; „Комсомольская правда”, 10 января 1987.
- 4 „Казахстанская правда”, 28 декабря 1986.
- 5 ТАСС, 20 декабря 1986; „Литературная газета”, 14 января 1987. Специальная рабочая группа рекомендовала для преодоления нехватки продовольствия „увеличить производство колбасных изделий и изделий из копченой свинины” (!) — См. „Казахстанская правда”, 11 января 1987.
- 6 „Социалистическая индустрия”, 13 января 1987.
- 7 „Правда”, 11 февраля 1987.
- 8 „Труд”, 14 января 1987.
- 9 Термин принадлежит профессору Михаилу Ривкину из нью-йоркского Сити Колледжа.
- 10 На XVI съезде компартии Казахстана (6–8 февраля 1986 г.) сообщалось, что за последнее время было более 500 ответственных работников снято с работы за „отрицательное поведение”.

- 11 См. анализ Энн Шихи „Действительно ли казахи превышают по численности русских в Казахстане?“. — Исследовательский бюллетень Радио „Свобода“, 65/87, 19 февраля 1987.
- 12 Hugh Seton-Watson, *Nations & States*, L., Methuen, 1977, p. 318.
- 13 *Ibid.*, pp. 318–319.
- 14 *Ibid.*, p. 319.
- 15 „Правда“, 13 февраля 1987.
- 16 „Казахстанская правда“, 3 февраля 1987. (Обр. перев. с англ. — Ред.)
- 17 См., например, „Советская Киргизия“, 27 января 1987.
- 18 „Литературная газета“, 14 января 1987.
- 19 Среди недавних примеров см. статью Т. Васневой „Воспитывать убежденных атеистов“, „Агитатор Таджикистана“, 1986, № 13, стр. 24–26.
- 20 Ислам — „религия, которая рассматривает различие между верой и неверием как самое фундаментальное из всех возможных различий, на физическом уровне сравнимое с различием между слепыми и зрячими... В исламе каждый аспект человеческой жизни, каждая мысль и каждый поступок формулируются и оцениваются в свете основного принципа веры“. Gai Eaton. *Islam and the Destiny of Man*. L., G. Allen & Unwin, 1985, p. 1.
- 21 А. Н. Басилов, один из ведущих советских специалистов по исламу в Средней Азии, недавно использовал это выражение, чтобы описать, как мусульманская молодежь Средней Азии, весьма мало следующая прочим аспектам ислама, все же причисляет себя сегодня к мусульманской общине (см. его выступление на Втором европейском семинаре по изучению Средней Азии в Лондоне, 9 апреля 1987 г.).
- 22 G. E. von Grunebaum. *Modern Islam: The Search for Cultural Identity*, Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1962, p. 12.

- 23 Gai Eaton. *Op. cit.*, p. 15.
- 24 Коммунизм скорее стимулирует, нежели подавляет национальную и религиозную идентификацию — это явление наблюдается от Средней Азии до Восточной Германии.
- 25 Вероятно, наиболее драматичным свидетельством озабоченности советских официальных кругов являются ожесточенные атаки на ислам со стороны первых секретарей компартий Таджикистана и Узбекистана на партийных конференциях этих республик в начале 1986 г. (см. „Совет Таджикистону“, 25 января 1985, и „Правда Востока“, 31 января 1986). С такой же горячностью высказался Михаил Горбачев во время визита в Ташкент в ноябре 1986 г. (см. „Правда Востока“, 25 ноября 1986). „Советская Киргизия“ (28 января 1987) писала о тех, „у кого в кармане партбилет, а на устах — молитва Аллаху“ (!).
- 26 „Агитатор Таджикистана“, 20 октября 1986, стр. 4–15. На подобные случаи жаловались партийные руководители и других республик. См., например, доклад Кунаева на съезде компартии Казахстана („Казахстанская правда“, 7 февраля 1986).
- 27 См., например, „Адабият ва суиғат“, 27 января 1984 (Ашхабад).
- 28 См., например, „Совет Узбекистани“, 26 сентября 1982, 20 июня и 24 августа 1984; „Бакинский рабочий“, 20 октября и 3 февраля 1985.
- 29 См., например, А. Доев. Ислам и атеистическая работа. — „Коммунист“ (Фрунзе), 1984, № 2, стр. 68–74; „Советская Киргизия“, 30 июня 1984; „Комсомолец Узбекистана“, 10 октября 1986; „Агитатор Таджикистана“, 20 октября 1986.
- 30 См., например, „Агитатор Таджикистана“, 20 октября 1986, стр. 13; „Коммунист Таджикистана“, 31 января и 12 февраля 1987.
- 31 „Социалистик Казахстан“, 20 декабря 1986; см. также „Правда“, 16 января 1987.

- 32 „Коммунист Таджикистана”, 12 февраля 1987.
- 33 „Комсомольская правда”, 11 июня 1983.
- 34 Е. Филимонов, Религиозный экстремизм – идеологическая и социальная сущность, „Наука и религия”, № 8, 1984, стр. 18–22. (Обр. перев. с англ. – Ред.)
- 35 Е. С. Саидбаев. Ислам. История и современность. М., 1985, стр. 40. (В тексте обратный перевод с англ., – Ред.)
- 36 Отличная дискуссия на тему такого совпадения проводится в работе Michael Rywkin. Moscow’s Muslim Challenge. Armonk, N. Y. M. E. Sharp Inc., 1982, pp. 84–92. В качестве недавнего примера можно указать на „Коммунист Таджикистана”, 23 ноября 1986.
- 37 Е. С. Саидбаев, указ. соч., стр. 15. (Обр. перев. с англ. – Ред.)
- 38 Там же, стр. 3–4; „Коммунист Таджикистана”, 31 января 1987; „Правда”, 3 декабря 1986 и 16 января 1987; „Советская Киргизия”, 25 декабря 1986; „Правда Востока”, 5 октября 1986, и многие другие примеры.
- 39 В этом сообщении ТАСС, наконец, признал, что командиры отрядов афганского сопротивления отмечали уже несколько лет: афганские муджахиды совершают вооруженные рейды внутрь территории самого Советского Союза (см. лондонский „Таймс”, 20 апреля 1987).
- 40 „Коммунист Таджикистана”, 12 февраля 1987.
- 41 Там же, 31 января 1987.
- 42 Можно полагать, что именно это имелось в виду в филиппиках против панисламизма в форме фундаменталистского исламского восстания, как в Иране, – то есть против хомейнизма. На самом деле, в русском (или советском) контексте панисламизм исторически означал нечто совершенно отличное, а именно, род регионализма с этнически мусульманской окраской, который включал всех мусульман-тюрок и не-тюрок Туркестанского края. В дореволюционной России термин „панисламизм” не имел единого смысла – он был частью политического

мышления широкого спектра консервативных и прогрессивных мусульманских групп.

43. Hugh Seton-Watson. Op. cit., p. 319.